

В. А. Каверин, уделивший «Фаньсу, или Плутовке горничной» в своей книге особое внимание, объяснял ее появление тем, «что в 1839 году „Северная пчела“ перешла по отношению к Сенковскому всякие границы литературного приличия». По его мнению, комедия Сенковского стала, в первую очередь, ответом на «два пасквиля Булгарина» — «Несколько листов из философической истории неоткрытого поныне острова» и «Святочная игра в последний день 1839 года».²⁸ В действительности же последовательность событий была иной. Публикации Булгарина появились в «Северной пчеле», соответственно, 27 июля и 30 декабря 1839 года,²⁹ а пьеса Сенковского была написана не позднее начала августа (цензурное разрешение второй части тридцать пятого тома «Библиотеки для чтения» подписано 12 августа, на титульном листе она обозначена как августовская). Таким образом, памфлетная линия «Фаньсу» была вызвана *предшествующими* ей булгаринскими выступлениями, включающими и «Несколько листов из философической истории...», а беспрецедентная по своей грубости «Святочная игра в последний день 1839 года», в которой «ненависть Булгарина к Сенковскому достигает <...> физиологического отвращения»,³⁰ стала ответом Булгарина на высмеивающую его комедию — явным свидетельством того, что он узнал себя в «книжных дел мастере» созданного Сенковским «китайского анекдота».

²⁸ Каверин В. Барон Брамбеус... С. 136–139.

²⁹ Б<улгарин> Ф. 1) Несколько листов из философической истории неоткрытого поныне острова // Северная пчела. 1839. 27 июля. № 166. С. 664; 2) Святочная игра в последний день 1839 года // Северная пчела. 1839. 30 дек. № 294. С. 1175–1176.

³⁰ Каверин В. Барон Брамбеус... С. 139.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-143-152

© С. Н. Гуськов

О НЕИЗВЕСТНЫХ СТАТЬЯХ И. А. ГОНЧАРОВА В ГАЗЕТЕ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА»*

Период биографии И. А. Гончарова с октября 1862-го по июнь 1863 года, когда он, по приглашению министра внутренних дел П. А. Валуева, служил главным редактором правительственной газеты «Северная почта», не отмечен пристальным исследовательским вниманием. Еще в 1911 году С. А. Венгеров в составленной им библиографии писателя указал, что Гончаров в 1862–1863 годах поместил ряд анонимных статей в газете «Северная почта».¹ Однако что это за статьи, сколько их было, на каком основании Венгеров приписал их Гончарову, — все это, к сожалению, осталось неизвестным. До самого последнего времени в научный оборот было введено два текста этого периода, принадлежавших перу Гончарова. В 1958 году И. Ф. Ковалев опубликовал программный текст Гончарова «О способах издания „Северной почты“».² Этот документ чрезвычайно важен не только для понимания целей и задач Гончарова — главного редактора, но и, как будет показано далее, для установления авторства других гончаровских произведений, помещенных в «Северной почте» анонимно. Текст не предназначался для печати, это служебная записка, поданная Гончаровым министру Валуеву. Кроме того, он подписан, поэтому проблема установления авторства по

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ Венгеров С. А. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 5. С. 236.

² Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 130–141.

отношению к нему неактуальна. Собственно же из помещенных в газете анонимных текстов была атрибутирована писателю Э. Г. Гайнцевой в 1998 году только небольшая статья в номере от 27 января 1863 года «Ответ редакции журнала „Русский инвалид“».³ Следует упомянуть и об интересе к этой теме патриарха ульяновского краеведения Ж. А. Трофимова. Его заметки в одном из ульяновских изданий не сопровождались, впрочем, какой-либо аргументацией. Что касается специального исследовательского внимания к теме, то тут, кроме уже упомянутых И. Ф. Ковалева и Э. Г. Гайнцевой, стоит упомянуть статью Н. В. Калининой.⁴

Таким образом, более чем за 150 лет Гончарову была атрибутирована всего одна статья в «Северной почте». Между тем Гончаров редактировал газету с 1 октября 1862-го по 30 июня 1863-го, и за это время вышло более 200 номеров, не считая приложений. Каждый из них Гончаров держал в руках, участвовал в составлении, писал и редактировал тексты. Теоретически может существовать целый пласт газетного творчества Гончарова, который нам просто неизвестен. Причины, по которым исследователи игнорировали этот эпизод творческой биографии Гончарова, в общем понятны. Советское литературоведение деятельности Гончарова-чиновника не замечало. Гончаров-цензор, а тем более Гончаров-редактор полицейской газеты не соответствовали сформированному статьей Н. А. Добролюбова образу борца с «обломовщиной». Определенная исследовательская инерция сохранялась долгие годы, и даже такие выдающиеся ученые, как Л. С. Гейро, считали, что период работы писателя в газете был совершенно бесплодным.⁵ Кроме того, сложилось представление, которому сам Гончаров отчасти потворствовал,⁶ что «Северная почта» была изданием малоинтересным, безличным, публиковало в основном официальную информацию, а следовательно и изучать в нем особенно нечего. Наконец, сложность атрибуции анонимных газетных публикаций, скудость гончаровского эпистолярного периода, непонимание, какое отношение редакторская деятельность Гончарова может иметь к его творчеству, делали эту тему еще менее привлекательной.

Из-за ошибочных, предвзятых и неполных представлений в биографии писателя до сих пор остается слепое пятно, период слабо изученный как в текстологическом, так и в биографическом плане и поэтому совершенно неотрафлексированный. Это не только публикационная лакуна, не только пробел в корпусе текстов Гончарова, но и лакуна исследовательская: если не установлено, какие тексты в «Северной почте» принадлежали Гончарову, трудно корректно и полно проанализировать место и значение этого периода в биографии писателя и в его последующей идейно-творческой эволюции. Кроме того, деятельность Гончарова на посту главного редактора газеты никогда не рассматривалась в качестве источника или хотя бы контекста его позднего творчества. Между тем, связи между творчеством Гончарова и его службой в газете существовали. Для самого писателя согласие принять предложение Валуева было творчески мотивированным. Объясняя свое решение возглавить редакцию правительственной газеты, Гончаров, помимо прочего, отмечал, что хотел бы «удовлетворить *собственному желанию* — ознакомиться ближе, из верных официальных источников, с внутреннею жизнью России».⁷ Это желание, вероятно, было вызвано определенным дефицитом жизненного опыта, но потребность в компенсации этого дефицита, как представляется, имела не только общемировоззренческую, но и конкретно-творческую мотивацию.

³ Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров в «Северной почте» (История одной газетной публикации) // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 261–267.

⁴ Калинина Н. В. Эпизод из жизни романиста: как И. А. Гончаров стал редактором правительственной газеты // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2017. С. 332–356.

⁵ См.: Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 123.

⁶ См.: Суперанский М. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. П. Письма И. А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. № 11. С. 431.

⁷ Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта». С. 137; курсив наш. — С. Г.

Жизнь провинциальной России Гончарову была знакома в основном по детским и юношеским симбирским впечатлениям. С 1830-х годов круг его общения сначала московский — университетский, а затем петербургский — чиновничий и литературный. Но в 1840–1850-е годы Гончаров-писатель, как кажется, и не претендовал на хорошее знание провинциальной, крестьянской России. Сюжеты его романов разворачивались в городе. Провинция — место, которое герои покидали, чтобы начать настоящую жизнь в столице. «Обыкновенная история» и «Обломов» — романы по преимуществу петербургские. Все изменилось в 1860-е. Маршрут героя «Обрыва» был проложен в противоположном направлении, а основное романное действие происходило в провинции. Поэтому стремление Гончарова в период работы над «Обрывом» лучше познакомиться с «внутренней жизнью России» можно расценивать как цель, мотивированную насущной литературной задачей, а значит, его карьерный выбор в 1862 году был сделан в том числе и по причинам творческого характера. Как бывало и ранее, Гончаров-писатель определил следующую ступень служебной лестницы для продвижения Гончарова-чиновника. Важно и то, что для него это был деятельный выбор. Чтобы лучше ознакомиться с жизнью российской провинции, писателю надо было не только стать главным редактором газеты, но и провести в ней серьезные преобразования. В записке «О способах издания „Северной почты“» новый главный редактор обозначил необходимость скорректировать структуру газетного номера, а именно «завести <...> постоянный отдел внутренних известий <...> обо всех замечательных, даже темных делах, о злоупотреблениях и мерах против них».⁸

В приложении к служебной записке Гончарова (в публикации Ковалева оно отсутствует) содержится предметный перечень из двадцати восьми пунктов, информацию о которых Гончаров хотел получать из Министерства внутренних дел. Обширный список включает в себя сведения о пожарной части, о мерах, принимавшихся в случаях неурожая, о тюрьмах, арестантских ротах, смирительных и рабочих домах, о самоуправстве, о случаях скоропостижной смерти и т. д.⁹ Стоит отметить, что сообщения о разных происшествиях появлялись в «Северной почте» (как и в других газетах) и раньше, но при Гончарове рубрика под названием «Хроника замечательных случаев (происшествий) по губерниям (из донесений гг. начальников губерний)» стала более регулярной и содержательной. В редакцию газеты «ведомости о происшествиях» поступали непосредственно из Департамента полиции исполнительные.¹⁰ «Замечательные случаи» делились на рубрики, основные из которых: пожары, «нечаянные смертные случаи», самоубийства, убийства, грабежи, кражи и не вполне органичные в этом ряду «необыкновенные роды».¹¹ «Хроника замечательных случаев» отличалась тем, что это была эксклюзивная информация «Северной почты», полученная непосредственно из Министерства внутренних дел. В похожей рубрике «Разные известия» чаще перепечатывались материалы из других газет. С уходом Гончарова «Хроника...» исчезает из «Северной почты».

В полицейских сводках, естественно, преобладали сведения о криминальных происшествиях. Как представляется, они могли использоваться писателем при создании последнего романа. По крайней мере, именно в «Обрыве» криминальные мотивы впервые у Гончарова играют определенную роль в сюжете произведения, а «преступление» в разных смыслах этого слова становится сквозным мотивом, его совершают или думают, что совершают, многие герои романа. Эта тема может и должна быть развита в особом исследовании, здесь отметим только, что криминальная история о самоубийце, похороненном на дне обрыва, служит центральным символическим элементом в романе; это трагическое предание, привязанное к топографии текста, подсвечивает все перипетии сюжета, «рифмуется» с главной сюжетной линией: отношениями

⁸ Там же. С. 138.

⁹ См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 2. № 126. Л. 19 об.

¹⁰ Письмо из этого Департамента в Редакцию с просьбой о возврате «ведомостей о происшествиях» см.: РНБ. Ф. 341. № 812. Л. 3.

¹¹ См., например: Северная почта. 1863. № 3, 7, 10, 12, 20, 25, 28, 34 и др.

Райского, Веры и Марка¹² — и придает повествованию мрачный колорит: «Об этом обрыве осталось печальное предание в Малиновке и во всем околотке. Там, на дне его, среди кустов, еще при жизни отца и матери Райского, убил за неверность жену и соперника и тут же сам зарезался один ревнивый муж, портной из города. Самоубийцу тут и зарыли, на месте преступления <...> Райский вспомнил это печальное предание, и у него плечи немного холодели от дрожи, когда он спускался с обрыва в чащу кустов.

Ему живо представлялась картина, как ревнивый муж, трясаясь от волнения, пробирался между кустов, как бросился к своему сопернику, ударил его ножом; как, может быть, жена билась у ног его, умоляя о прощении. Но он, с пеной у рта, наносил ей рану за раной и потом, над обоими трупами, перерезал горло и себе».¹³

«Хроника замечательных случаев...» содержит похожие любовно-криминальные истории, которые вполне могли вдохновить Гончарова и в какой-то степени послужить творческим источником «Обрыва».¹⁴

Сложные отношения крестьянина Савелия и его неверной жены Марины также могли быть обогащены и детализированы Гончаровым за счет знакомства с криминальной хроникой.¹⁵ В поздних произведениях Гончарова прослеживаются и другие впечатления редакторской службы.¹⁶

Таким образом, определенное воздействие «газетного» периода Гончарова на его творчество все-таки выявляется, что делает целесообразным изучение «Северной почты» в рамках историко-литературного исследования.

Другая причина, по которой этот период исследовали неохотно, заключается в сложности атрибуции газетных текстов и, как следствие, непонимании того, насколько активно Гончаров участвовал в газете в качестве автора.

Действительно, анонимные и псевдонимные газетные тексты вообще, и тексты «Северной почты» в частности, представляют собой в высшей степени сложный для мотивированной атрибуции материал. Проблематичность обусловлена технологией фабрикации газетных статей, их низким творческим статусом, агрессивной нивелирующей редактурой, немаркированными заимствованиями, произвольной контаминацией и модерацией материалов разного происхождения, коллективным способом генерации газетного номера, а также постоянным цейтнотом, в условиях которого происходит все вышперечисленное, что, на мой взгляд, дополнительно способствует обнулению индивидуальных авторских маркеров текста.

В последние годы благодаря развитию компьютерных технологий текстологами более активно используются статистические методы, однако они работают корректно только на текстах большого объема — романах и повестях, в то время как в атрибуции значительно чаще нуждаются короткие произведения, которые не подписывались авторами, просто потому что не воспринимались ими как имеющие какую-то творческую ценность. Для установления авторства анонимных и псевдонимных текстов в газете статистические методы, как правило, не подходят, поэтому приходится прибегать к классическим методам, а именно к атрибуции на основе документальных источников, а также к анализу содержания произведения и анализу языка и стиля.

¹² Ср.: «— Какой удар нанес я тебе! — шептал он в ужасе. — Я даже прощения не прошу: оно невозможно! Ты видишь мою казнь, Вера...

— Удар твой... сделал мне боль на одну минуту. Потом я поняла, что он не мог быть нанесен равнодушной рукой, и поверила, что ты любишь меня... Тут только представилось мне, что ты вытерпел в эти недели, вчера... Успокойся, ты не виноват: мы квиты...

— Не оправдывай преступления, Вера: нож — все нож. Я ударил тебя ножом...» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 637).

¹³ Там же. С. 72–73.

¹⁴ См., например: Северная почта. 1863. 9 янв. № 7.

¹⁵ См.: Там же. 12 янв. № 10.

¹⁶ См. об этом: Гуськов С. Н. И. А. Гончаров, П. А. Валувев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // Русская литература. 2019. № 4. С. 80.

Ранее высказывалось предположение об участии Гончарова в составлении «Объявления об издании „Северной почты“ <...> на 1863 год».¹⁷ Как представляется, писатель внес определенный вклад в создание еще одного текста, опубликованного в «Северной почте» № 282 от 30 декабря 1862 года. Речь идет о статье «От редакции», представляющей собой предисловие к «Указателю содержания „Северной почты“» за 1862 г.» (см. Приложение к настоящей статье). Сам по себе указатель содержания, как и объявление о подписке — служебные газетные жанры. Чаще всего в таких текстах содержится сугубо техническая информация. Например, во вступительной заметке к указателю содержания могут быть сведения о структуре указателя, охвате материала, порядке расположения словника и т. п., т. е., как правило, это текст, не имеющий авторского элемента, что делает невозможной и в общем бессмысленной проблему установления его авторства. Но в случае с нашим текстом все обстоит иначе. Он состоит из двух частей: это собственно «Указатель» с предварительными замечками и статья «От редакции». В заметках к «Указателю» действительно сообщается информация сугубо техническая, а вот статья «От редакции» представляет собой текст совершенно иного свойства. Автор этой статьи подводит итоги уходящего года, добродетельно, но критически оценивает выполнение предыдущей программы издания газеты, анализирует успехи и неудачи, намечает стратегию и программу издания на следующий 1863 год, а также анонсирует новации: «Для некоторых читателей „Северной почты“, вероятно, не бесполезен будет указатель статей ее, для справок и воспоминаний, и мы заключаем таким указателем первый год нашей газеты, желая вместе с тем подвести итог тому, что представила она читателям в этот первый год. Предоставляем им самим решить, насколько содержание газеты соответствовало ее назначению и ожиданиям публики».¹⁸

Трудно предположить, что рядовой сотрудник газеты или даже редактор отдела мог быть автором подобного текста. На таком уровне мог рассуждать только главный редактор издания.

Анализ содержания позволяет обнаружить связь этой статьи с другими текстами, написанными Гончаровым, прежде всего с уже упомянутой запиской «О способах издания „Северной почты“».

Особое место анонимный автор статьи «От редакции» уделяет размышлениям о трудностях издания официальной газеты, обусловленных противоречиями общественного мнения и государственной власти: «И непосвященным в журнальное дело легко представить себе значительную долю тех затруднений, которые неминуемы вообще при организации вновь такого издания, как ежедневная газета, и которые в особенности не могли не быть чувствительными для газеты официальной, где соприкасаются и становятся, так сказать, лицом к лицу интересы общественные с видами правительственными. Идея официальной газеты, не оспариваемая никем, и даже радушно приветствованная в некоторых печатных органах, тем не менее внушала и недоверие к предприятию, так что „Северная почта“ должна была появиться в свет при ограниченных литературных средствах и даже, быть может, недружелюбном отношении некоторой части публики».¹⁹

Столкновение правительственных и общественных интересов в официальной газете именно Гончаров осознавал как серьезную проблему еще при вступлении в должность главного редактора. В записке «О способах издания „Северной почты“» Гончаров убеждал Валуева в том, что для издания в России газеты европейского типа (а Валуев хотел создать именно такую газету) необходима свобода «говорить публично о наших внутренних, общественных и домашних делах». В России же до цензурной реформы пресса не могла не только критиковать власть определенного уровня, но и хвалить ее. Гончаров вспоминает, что «по какому-то случаю, в прошлом году, одна газета

¹⁷ Гуськов С. Н. Гончаров — газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»? // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2017. № 3. С. 119–128.

¹⁸ Северная почта. 1862. 30 дек. № 282. Прибавление; курсив наш. — С. Г.

¹⁹ Там же.

с благодарной похвалой отозвалась о распоряжении полиции: генерал-губернатор Игнатъев напечатал гордый отзыв, что он не принимает похвал, потому что — выразился он — кто берет на себя право хвалить, значит считает за собой право и порицать...».

«Мне кажется, — пишет далее Гончаров, — что такая гордость в отношении к общественному мнению и почти систематическое пренебрежение, какое еще так недавно обнаруживали к нему высшие администраторы, <...> много способствовали придти к тому печальному результату, что правительство — само по себе, а общественное мнение, и даже общество — само по себе; и много надо им сделать шагов навстречу друг к другу, чтобы соприкоснуться хотя в некоторых точках и действовать совокупно. Теперь, что ни делает правительство, оно встречает или оппозицию, если мера не отвечает желаниям публики, или почти всеобщее молчание, если она нравится. Если б даже кто-нибудь и пожелал возвысить голос в пользу правительства, то, под влиянием этих натянутых отношений, не решается или же не умеет — по непривычке рассуждать свободно в печати об общественных вопросах».²⁰

Позиция Гончарова, выраженная в записке «О способах издания...», была компромиссной: «Желание мое, как и всякого в огромном большинстве, сочувствующем правительству — состоит в том, чтобы оно, т. е. это большинство, верило правительству и чтобы правительство, с своей стороны, несколько более доверяло этому большинству и снисходительно посвящало его в свои виды».²¹

Интересно, что, уже возглавив официальную газету МВД, Гончаров настаивал на том, что позиция газеты по некоторым вопросам не должна совпадать с позицией министерства. В письме к А. В. Никитенко от 22 октября 1862 года, посвященном возможному освещению в газете так называемого «Подольского адреса» (обращению дворян Подолья к Александру II о присоединении губернии к Царству Польскому), Гончаров пишет: «Я тоже с своей стороны допускал *некоторую, но глухую* цитату на адрес, <...> оставляя все прочее решительно в стороне, ибо все остальное судит не наука, не литература, а Сенат, Госуд<арственный> Совет и даже III-е Отделение. Следовательно, я настаивал только на том, чтобы отделить бездной авторитет газеты, как литературного органа, от авторитета правительственной власти, чтобы они не впали в одну ногу, чтобы первую, то есть литературу и газету, а с ними и нас с Вами, не обвинили в сообщничестве с уголовным уложением, поэтому я и настаивал, чтобы статья писана была не по поводу адреса, или — если по поводу его, то чрезвычайно осторожно».²²

Стремление даже на посту редактора официальной полицейской газеты не окантаться «сообщником уголовного уложения», сохранить журналистскую автономию для Гончарова принципиально важно. Это вообще типичная черта его биографии — умение примирять противоречивые интересы, например интересы служебные и творческие. Так, на завершающем этапе своей служебной карьеры он хотел сохранить автономию художника, не поддаться влиянию консервативной «партии», требовавшей, чтобы в его последнем романе был прямо осужден «нигилизм».²³

Понятно, что проблематика «гласности», «публичности», открытых отношений правительства и общества в 1862 году была предметом широкого обсуждения в прессе — и эти высказывания, если бы они анонимно появились в другой газете или другом журнале, было бы сложно атрибутировать писателю только на основании сопоставительного анализа содержания. Специфичны они только потому, что были помещены на страницах официальной газеты МВД, место которой в оппозиции власти и общества понятно уже из ее ведомственной принадлежности. Но, по мысли Гончарова, высказанной в «Способах издания...», именно правительственная газета должна была стать

²⁰ Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта». С. 139–140.

²¹ Там же. С. 141.

²² Письма И. А. Гончарова к А. В. Никитенко / Под ред. и с прим. В. Яковлева // Русская старина. 1914. № 2. С. 435–436.

²³ См. об этом: Бодрова А. С., Гуськов С. Н. Литература на службе империи, империя на службе литературы: К интерпретации финала романа И. А. Гончарова «Обрыв» // Новое литературное обозрение. 2020. № 4 (164). С. 178–179.

образцом новых открытых отношений власти и общества, предложить и легитимировать новый режим публичности. Такую возможность, как считал Гончаров, газете давало прямое покровительство Валуева. Проект этот по разным причинам не был реализован, его идея изначально была немного «обломовской».

Таким образом, сожаление о том, что в газете оказалось сложно совместить общественные и правительственные «виды», содержащееся в «Предисловии...», могло исходить и, скорее всего, исходило непосредственно от главного редактора Гончарова, который об этой проблеме неоднократно писал ранее.

Следующая важная мысль, высказанная в анонимном «Предисловии...», заключается в том, что «Северная почта» хотя и является газетой правительства, но не противопоставляет себя общественным интересам, а напротив, служит им: «Нужно было время, и нужно будет немало его еще, чтобы общественное мнение освоилось с новым у нас изданием, не только не обещавшим чего-нибудь несогласного с общественными интересами, но взявшим на себя служить общественному делу пополнением пробелов частной прессы сведениями, заимствованными из официальных источников, не всегда доступных частным лицам, и заявлениями, исходящими из правительственных сфер».²⁴

Описывая планы на 1863 год, анонимный автор сообщает, что «редакция имеет основательные виды на обогащение газеты более обильными и занимательными материалами из источников министерства внутренних дел и поставит себе постоянною задачею заботиться о наибольшей передаче этих материалов во всеобщее сведение».²⁵

Как уже говорилось, именно в этом Гончаров видел свою новаторскую роль в газете: «...быть посредником передачи наиболее замечательных явлений общественной жизни и действий правительства во всеобщее сведение».²⁶ Здесь не только содержание, но и лексика Гончарова и анонимного автора практически совпадают.

Гончаров считал, что «не только успех газеты, но и приобретение уважения, расположения и доверия публики вообще к деятельности министерства внутренних дел <...> будет зависеть от той степени гласности, какая допущена будет в публичном заявлении о многих делах и событиях, которые хранились под печатью молчания, о совершившихся и грядущих реформах, словом, обо всем том, что входит в сферу деятельности обширнейшего и важнейшего из министерств».²⁷ О том, насколько успешно реализовывалась эта программа, и идет речь в «Предисловии...».

Таким образом, прагматика рассмотренного анонимного текста в газете «Северная почта», его содержательная, стилистическая и даже лексическая близость к статье «О способах издания „Северной почты“» и некоторым другим гончаровским текстам позволяют предположить, что его автором или по крайней мере одним из его авторов был Гончаров. Текст должен быть включен в корпус произведений писателя. На мой взгляд, его необходимо поместить в раздел «Коллективное», хотя возможны аргументы как в пользу индивидуального авторства, так и статуса «Dubia».

Статус другой статьи в «Северной почте», как кажется, можно считать более определенным. Она, несомненно, является продуктом коллективного творчества при непосредственном участии Гончарова. Атрибуция этой статьи требует нескольких предварительных замечаний.

В первой половине 1863 года в содержании и политической позиции «Северной почты», как и всей российской прессы, происходят изменения, связанные с Польским восстанием. Всеобщее гражданское одушевление временно нивелирует рассмотренную выше проблему отношений государства и общества, которые сливаются в едином патриотическом порыве. Главное место в периодических изданиях начинают занимать «польские известия», хроника военных действий, статьи патриотического содержания.

²⁴ Северная почта. 1862. 30 дек. № 282. Прибавление.

²⁵ Там же.

²⁶ Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта». С. 137.

²⁷ Там же. С. 138–139.

На этом поле доминировали такие газеты, как «День» И. С. Аксакова и «Московские ведомости» М. Н. Каткова. «Северная почта» сравнения с ними не выдерживала. Гончарову, который, как было показано ранее, пришел в газету с планами широких либеральных преобразований, в условиях военного времени оказалось сложно соперничать с апологетами славянофильства и государственности. Отставание вызывало неизбежные нарекания министра внутренних дел.

В письме к своему помощнику Ю. М. Богушевичу от 29 апреля 1863 года Гончаров сообщает, что накануне в театре увиделся с товарищем (заместителем) министра внутренних дел А. Г. Тройницким и тот «жалел об отсутствии у нас всяких других новостей из Польши, кроме почерпаемых из „Инвалида“». ²⁸ Сожаление Тройницкого означало и недовольство министра Валуева, поэтому Гончаров дает своему помощнику срочные указания: «Чтобы удовлетворять их, надо извлекать что подходит к „Сев<ерной> почте“, и между прочим известие о смерти Минишевского и извлечение из его статьи. Нельзя ли пустить это в завтрашнем номере, сказав несколько слов о нем самом то есть, что вот мол еще жертва систематических революционных убийств, совершаемых как над русскими, так и над самими поляками; на этот-де раз погиб один из разумнейших и просвещенных патриотов, которого энергический голос тревожил нечистую совесть возмутителей спокойствия, обличал тщету и преступность одних, открывал глаза на заблуждение других — и нож подлого убийцы прекратил дни умного и благородного патриота, не боявшегося звать к честному чувству и здравому смыслу нации, нужды нет, что в темноте бродил уже убийца, что об этом предупреждали патриота. Минишевский был секретарем маркиза Велёпольского, потом редактором „Дзенника Повжехнаго“, потом писал то-то и то-то.... Он убит на крыльце собственно дома (такого-то числа, утром или вечером).

Последняя статья его — не журнальная статья — это плач пророка над гибелью родины и энергическое проклятье и т. д. Еще несколько слов и потом заключение его статьи, если можно из „Dzennika“, а если нельзя, то вот „СПБ. ведомости“, где этот конец приводится в письме Берга, из которого можно извлечь, но надо в таком случае и сослаться на него. Между тем будем же смотреть „Dzennik“ сами и „Виленский курьер“ тоже, откуда надо извлекать то, что может быть помещено в „Сев<ерной> почте“. А также надо поглядывать и в наши петерб<ургские> газеты». ²⁹

1 мая 1863 года, т. е. буквально через день после цитируемого письма, в «Северной почте» (№ 94) появляется анонимная статья о трагической гибели Иосифа Александра Минишевского, в которой сообщается, что польский журналист «стал новой жертвой той отвратительной системы убийств, которую революционная польская партия открыла свои действия <...> безумное дело начали с русских с высших представителей закона и общественного порядка, затем перешли к исполнителям этого закона, к солдатам, обезоруженным сном и темнотою ночи; теперь продолжают свои упражнения над поляками, которые не потеряли последнего благоразумия в чаду революционной оргии...».

Упоминалось, что «последняя статья его — не журнальная статья — это плач пророка над гибелью родины и энергическое проклятье», а также что «отважный и энергический голос должен был тревожить нечистую совесть возмутителей спокойствия и злодейский нож поразил патриота». ³⁰

В заключение публиковалась вторая часть предсмертной статьи Минишевского «Революционеры и патриции в народе».

Молодой помощник Гончарова Богушевич в точности исполнил все распоряжения главного редактора. Это письмо, как и некоторые другие письма Гончарова к Богушевичу, не только позволяет атрибутировать писателю конкретный текст, но и, возможно, раскрывает одну из технологий написания статей в «Северной почте». Гончаров на

²⁸ Гончаров И. А. Письма к Ю. М. Богушевичу // Щукинский сборник. М., 1912. Т. 10. С. 467.

²⁹ Там же. С. 467–468.

³⁰ Северная почта. 1863. 1 мая. № 94.

правах главного редактора мог сообщать своему юному помощнику общий план и композицию статьи или даже ее краткий конспект, а также рекомендовать источники, в общем, выступать в роли, похожей на роль научного руководителя студенческой работы. Должны ли такие образцы газетного творчества быть включены в корпус текстов Гончарова? Скорее всего, да, потому что Богусевич в целом реализовал гончаровский план и даже воспроизвел некоторые его пункты дословно. Данная статья, несомненно, может быть включена в соответствующий том собрания сочинений Гончарова в разделе «Коллективное». Впрочем, невозможно отрицать и участие молодого сотрудника редакции.

Кроме двух названных текстов, мне удалось атрибутировать Гончарову еще несколько редакционных статей в «Северной почте». Они частично уже опубликованы, частично сданы в редакции разных научных изданий, а также будут включены в соответствующий том Полного собрания сочинений. Обнаруженные тексты позволяют лучше понять истоки и причины идейно-творческой эволюции позднего Гончарова, особенностей его дрейфа в правую часть политического спектра, который отразился и в художественном творчестве (например, в романе «Обрыв»), а также понять причины изменений в стилистике и в системе жанров, в частности в более активном использовании малых форм. Впрочем, дело не только в атрибуции. Важно отразить общественную и идеологическую позицию Гончарова, который в 1850-е годы, во время службы в цензуре, позиционирует себя в качестве посредника между властью и литературой, а в 1862–1863-м, став главным редактором правительственной газеты, оказывается в еще более важной роли посредника между властью и обществом, что позволяет ему тестировать новые режимы публичности, обсуждавшиеся накануне цензурной реформы. Эта роль проявляется не только в публикации тех или иных текстов в газете, но и в особенностях редакционной политики, которую он проводил, в организации тех или иных кампаний (в том числе кампании всеподданнейших писем), наконец, в выборе собственной карьерной траектории. Исследование этого материала приближает нас к более полным и точным представлениям о биографии и творчестве Гончарова.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

<Предисловие к Указателю содержания газеты «Северная почта» за 1862 г.>

Для некоторых читателей «Северной почты», вероятно, не бесполезен будет Указатель статей ее, для справок и воспоминаний, и мы заключаем таким Указателем первый год нашей газеты, желая, вместе с тем, подвести итог тому, что представила она читателям в этот первый год. Предоставляем им самим решить, насколько содержание газеты соответствовало ее назначению и ожиданиям публики.

Из нижеследующего списка статей, в который, впрочем, не вошло многое, как мы объясним далее, нетрудно убедиться, что «Северная почта» не имела недостатка в разнообразии: она ставила на очередь почти все важные вопросы современной нашей общественной и государственной жизни, и также представляла вниманию читателей второстепенные, случайные явления, относясь к первым с своим мнением или обстоятельным исследованием и ограничиваясь, касательно вторых, занесением их, по своей обязанности, на свои страницы.

Но мы отнюдь не хотим самообольщаться мыслию, что задача, указываемая программой «Северной почты», выполнена удовлетворительно. Еще менее расположены мы наивно верить в этом публику. Скромно сознаемся, что вся деятельность первого года есть не что иное, как только приступ к развитию предположенных себе редакциею видов, борьба с неизбежными трудностями всякого начинания и, следовательно, понятное в подобных случаях колебание, т. е. переход от сомнения к уверенности

и обратно. И непосвященным в журнальное дело легко представить себе значительную долю тех затруднений, которые неминуемы вообще при организации вновь такого издания, как ежедневная газета, и которые в особенности не могли не быть чувствительными для газеты официальной, где соприкасаются и становятся, так сказать, лицом к лицу интересы общественные с видами правительственными. Идея официальной газеты, не оспариваемая никем и даже радушно приветствованная в некоторых печатных органах, тем не менее внушала и недоверие к предприятию, так что «Северная почта» должна была появиться в свет при ограниченных литературных средствах и даже, быть может, недружелюбном отношении некоторой части публики. Нужно было время, и нужно будет немало его еще, чтобы общественное мнение освоилось с новым у нас изданием, не только не обещавшим чего-нибудь несогласного с общественными интересами, но взявшим на себя служить общественному делу пополнением пробелов частной прессы сведениями, заимствованными из официальных источников, не всегда доступных частным лицам, и заявлениями, исходящими из правительственных сфер.

При выполнении этого последнего назначения, задача «Северной почты» была тем труднее, что последняя, не имея права пренебрегать и общими литературными требованиями газетных читателей, не могла исключить из своей программы всего того, что составляет обычное содержание всякой общественной ежедневной газеты.

Все трудности начинания пали на долю первого редактора газеты А. В. Никитенко и его помощников. Публика, конечно, не знает, сколько важных и мелких забот, нравственных усилий и чисто-литературных соображений и вместе материальных трудов легло в основание нового дела. Но кто был близким свидетелем этого начала, тот, конечно, сочтет обязанностью воздать справедливость честному труду и усилиям этих лиц служить тому важному делу, к осуществлению которого назначалась новая газета.

Самое колебание, о котором упомянуто выше, свидетельствовало только о добросовестном стремлении выполнить свою обязанность при отсутствии самонадеянности, которая часто безоглядливою смелостью губит дело в самом зародыше и которая особенно вредна бы была в предприятии, привлекавшем на себя новизною всеобщее внимание, — предприятии, развитие которого отчасти обусловливается такими еще не определившимися и не сложившимися данными, какие представляются у нас в современном общественном мнении и разных сторонах общественной жизни, слишком недавно вызванной к переработке и усиленному движению вперед. Только время, с помощью опыта и постепенно уясняемого и укрепляемого сознания, может упрочить начинание и сообщить едва обозначившемуся в этот первый год делу верное и неуклонное направление. Тогда только вполне обнаружится степень преодоленной трудности и заслуга начинателей.

Что касается до настоящей редакции, значительно облегченной испытаниями и трудами своих предместников, то ей остается, соревнуя им в этих трудах и усилиях, изыскивать еще новые способы к удовлетворению потребностей читателей. Так, между прочим, редакция имеет основательные виды на обогащение газеты более обильными и занимательными материалами из источников министерства внутренних дел и поставит себе постоянною задачею заботиться о наибольшей передаче этих материалов во всеобщее сведение. В настоящее время особенно, при животрепещущей важности государственных и административных мер и преобразований, жадно поглощающих всю деятельность управлений, предвидится приобретение обильного запаса более или менее обработанных материалов, которыми мы и надеемся воспользоваться в будущем году для ознакомления с ними публики, независимо от постоянно текущих новых известий и сведений.